

В последние годы ценностный аспект подготовки специалиста в вузе вызывает повышенный интерес в силу того, что в свете негативных изменений в общественном сознании эта проблема приобрела чрезвычайно обостренный характер. О ней много пишут, проводятся исследования, но реальная картина не дает оснований для оптимизма. Звучат призывы вернуться к практике прошлого периода в развитии страны и на новом этапе с учетом произошедших изменений в обществе пересмотреть накопившейся опыт в данной области. Ссылки на тенденции развития образовательных практик за рубежом, в частности в Европе, несостоятельны, поскольку они далеки от традиций российского образования, а традициями, как небезосновательно утверждают британские консерваторы, следует дорожить, так как они делают нас уникальными в европейской семье народов. Здравый смысл подсказывает, что только с опорой на наш собственный опыт мы можем достичь желаемых целей и дать импульс дальнейшему поступательному движению общества и его образовательных институтов. Простое копирование зарубежного опыта не только вредит нашему образованию, как неоднократно отмечали многие специалисты и общественные деятели, но и делает нас неинтересными в глазах мировой элиты. Вместе с тем удачные идеи зарубежных авторов, переработанные на российской почве, вполне могут найти применение в нашей практике и приумножиться за счет своеобразия российского восприятия и оригинальности национального мышления [8]. Поскольку ценностный аспект рассматривается нами сквозь призму диалога культур, то наше внимание обращено к изучению иностранных языков в вузе в контексте поликультурного развития личности. Межкультурная коммуникация занимает в этом смысле особое место, поскольку она позволяет вбирать в наше богатое культурное наследие достижения мировой культуры, значение которого трудно переоценить. В самом деле, диалог культур происходит непрерывно и преломляется он через непосредственное восприятие индивидом лучших образцов мировой культуры и преимущественно через язык. Неслучайно языковая проблема приобретает первостепенное значение для любой этнической группы, которая стремится осознать себя частью огромного и культурно разнообразного сообщества народов. В России с ее многонациональным населением проблема овладения языками, местными и иностранными, приобретает крайне чувствительный характер. Решается она не везде одинаково. Трудно представить себе такой парадокс, как хорошее знание русского и иностранных языков выпускником вуза при посредственном владении родным языком. Необходимо признать, что без превосходного знания родного языка изучение других языков приобретает ущербный характер, и культурная значимость такого подхода оказывается сомнительной. Однако до сих пор у нас слабо разработаны реальные механизмы многоязычия. В теории, вроде бы, дело обстоит неплохо, написано множество диссертаций на эту тему. На практике результаты совместного изучения разных языков оказываются

неубедительными, в особенности если речь заходит об изучении языков «регионального статуса». В Европе прагматический подход показывает большие успехи в одновременном усвоении нескольких языков. Являются ли европейцы на таком основании более цивилизованным объединением народов? В какой-то мере пальма первенства в этом вопросе принадлежит старому континенту. Там не наблюдается пренебрежения к «второстепенным языкам». Во всяком случае, на общеевропейском уровне признаются все языки как равные, нет выраженной дискриминации при явном преобладании английского языка. Хотя английский язык с опаской «оглядывается» на грядущее нашествие экзотического и сверхсложного языка «поднебесной», влияние первого в силу сугубо прагматических соображений все еще не подвергается сомнению, при этом языки малых народов Европы также не остаются в забвении. Вместе с тем интенсивный культурный обмен посредством различных языков в рамках объединенной Европы на континентальном уровне и вне ее, к сожалению, не приводит к осознанию значимости истинных культурных ценностей как приоритетных в жизни людей. Возникают ложные ценности, которые довлеют в сознании огромных масс, а сама культура нередко приобретает гротескные черты в угоду опять же массового сознания, нелепой модной традиции и чрезмерной политкорректности. Стоит ли нам стремиться к сомнительным образцам, которые в корне расходятся с вековыми традициями нашего народа только для того, чтобы безграничная вседозволенность поглотила нас в этом трудно постижимом стремлении к свободе желаний и устремлений раскрепощенной индивидуальности. Думается, что у нас другой путь. Свобода духа – вот наш идеал. К этому уместно добавить свободу творчества и развития личностного потенциала, который реализуется в рамках концепции творческого саморазвития, активно пропагандируемой казанской научной школой под руководством академика В.И. Андреева [1]. Правда, следует оговориться, что последнее увлечение академика идеями конкурентоспособности выпускника современного вуза несколько обескураживает и отходит от оригинального замысла и скорее объясняется соблазном следовать некому «мейнстриму». Если не принимать во внимание эту последнюю тенденцию, то можно вполне согласиться с тем, что концепция творческого саморазвития находит понимание в широких академических кругах и дает надежду на то, что наше образование выйдет из тупика западной прагматической модели компетентностного подхода и выработает более жизнеспособную формулу для поступательного движения вперед в будущем [6]. Вернемся, однако, к тематике иноязычного образования. К идеям творческого развития близка позиция известного ученого методиста Е.И. Пассова, продолжающего удивлять научную общественность оригинальностью своего подхода и смелостью идей, которые он совсем недавно, в июне сего года, излагал на десятом межвузовском семинаре в МГИМО. Бурное обсуждение его доклада не помешало слушателям отметить справедливость его выношенной

десятилетиями позиции, заключающейся в глобальном измерении объекта иноязычного образования. Е.И. Пассов выделяет четыре аспекта в иноязычном образовании: познание, развитие, воспитание и учение. В каждом аспекте он видит особую размерность – соответственно, широту, глубину, высоту и длину, которая придает его взглядам масштабность в глобальном понимании образовательного процесса. Познание, воспитание и учение у него направлены на развитие и саморазвитие учащегося, точнее, на духовное развитие индивидуальности как субъекта диалога культур. Культуросообразный подход к иноязычному образованию, по Е.И. Пассову, является доминантой в его воззрениях, который предполагает деятельностное понимание диалога культур, реализуемое через субъекта образовательного процесса – учащегося. В результате такого видения простой набор компетенций уступает место духовности как высшей ступени развития индивидуальности учащегося, к чему собственно стремятся как учитель, носитель и транслятор иноязычной культуры, так и учащийся, являющийся субъектом учения [4]. Какие ясные и вместе с тем труднодостижимые, но достойные цели образовательного процесса в сфере межкультурной коммуникации! На этом этапе язык и культура обнаруживают свою потребность друг в друге, невозможность существования одного без другого в процессе естественного общения людей и обмена культурными познаниями и достижениями своего народа. Отсюда становится понятным вклад образования в становление человека как развитой языковой личности и носителя диалога культур. Продуктом образования, следовательно, является не просто умение общаться на иностранном языке, а умение вести диалог культур. Масштаб иноязычной подготовки в современной высшей школе при таком понимании приобретает совсем иное измерение и вполне отвечает вызовам времени. А как же иначе? Мы стремимся расширить рамки своего познания за счет преодоления границ между народами и культурами и для этого изучаем иностранные языки. Сейчас уже никому в голову не приходит ставить под сомнение ценность и полезность изучения, скажем, китайского языка, поскольку мир осознал, что дальнейшее развитие человеческой цивилизации немыслимо без учета китайского фактора и вклада этой страны в мировую культуру. Любопытно, что на том же самом семинаре в МГИМО уже прозвучали раздраженные нотки китаеведов относительно засилья английского языка в лингвистических исследованиях в области компаративистики. Китайский язык постепенно начинает чувствовать свою силу и повышенное внимание к себе по всему миру. Вопрос уже не в том, какой язык более благозвучен и находится «в тренде» в молодежной среде. Банальная утилитарность и соперничество на мировой арене диктуют свои жесткие условия. Это отдельная тема – соперничество языков и их доминирование на мировой арене. К слову сказать, русский язык также не остается без внимания, интерес к нему растет в силу оригинальности русского гения и богатого культурного наследия, которое нам

досталось от наших прозорливых предков. Нам не следует забывать о славе и величии страны, которую ассоциируют с особой миссией на земле в силу значительности ее культурного достояния относительно немногочисленного ее населения. Однако русский язык никогда бы не был таким притягательным, если бы он не вбирал в себя богатство всех народов, проживающих на территории России. В этом его сила и подлинная ценность. Умение дорожить своей культурой и понимать культуру другого народа подталкивает человека к обмену культурными достижениями, используя для этих целей язык. В этом кроется разгадка механизма взаимодействия языка и культуры. В процессе такого взаимодействия индивид развивается как языковая личность, стремящаяся познать бесконечно разнообразный внешний мир во всех ее красках и проявлениях [7]. Следовательно, открытость языковой личности внешнему многоязычному миру в поликультурном пространстве проявляется в условиях межкультурной коммуникации, которая представляет собой взаимодействие разных культур и этносов при посредстве языков (текстов) в общении и практической деятельности [5]. В этой связи стоит сказать, что наше понимание иноязычного образования в высшей школе несколько шире, чем развитие индивидуальности в процессе диалога культур. Языковая подготовка развивает также способность учащихся овладевать идеальными формами в выполняемой ими деятельности с целью реализации индивидуального потенциала. Человек стремится выразить себя в этом сложном мире, ищет возможность сказать свое слово, заявить о себе так, как это ему еще не удавалось сделать. «Указанный подход можно рассматривать как исследование в рамках психологии становления «возможного» человека – человека в перспективе своего развития; иными словами, с точки зрения того, кем он может быть и должен еще стать, т.е. наличного ставшего» [2:30]. Некоторые ученые, в частности М.К. Мамардашвили, склонны считать, что по-настоящему увидеть мир новым и себя в нем возможно через мир чувств и переживаний, через искусство. Для него произведения искусства не что иное, как «сильная форма, есть орудие вертикального просечения жизни» [3:204]. Особенно в этом отношении богата поэзия, которая открывает невиданные глубины сознания, чувства и переживания. Весь вопрос в форме или тексте, которые обогащают наш жизненный опыт и открывают новые смыслы. В широком понимании этого слова искусство оказывается текстом сознания, помогающим преодолевать узкие рамки наличествующего бытия. Искусство шире нашего представления о реальном, оно более емкий текст сознания, способный к созданию нового, и в этом его сила. Не состоит ли наша задача в таком случае, чтобы создать условия для приближения нашей актуальной деятельности к формам искусства в широком их толковании? Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* про-из-вести [2]. Эта полнота, «объемность понимания действительности» реализуема в формате «полного текста», выходящего за

рамки обыденной ситуации и выводящего нас на уровень смыслов. Смысл позволяет взглянуть на окружающее бытие в другом масштабе, чем это допускает обыденная ситуация. Как воплотить сказанное в реальность для того, чтобы субъект ощутил всю полноту жизни в ее масштабности и широте? Как высшие смыслы могут стать для него той динамичной формой, которая поможет человеку раскрыть свой нерастроченный потенциал в жизни и увидеть истинного себя частью разворачивающейся целостности? По мнению Т.М. Буякаса, выход из этой ситуации видится в использовании некой конструкции, которая позволит создать то новое, до сих пор неиспытанное, что принесет неизведанный опыт [2]. Особое место в этом ряду занимает творческая направленность личности. Творчество по-новому раскрывает человека, оно изменяет его и раскрывает в нем преобразующий потенциал. Творчество ведет к постижению новых ощущений, представлений, доселе неиспытанных, которые глубже и острее позволяют почувствовать себя, свой созидательный потенциал, стремление к обновлению, оно создает ощущение полного будущего, которое еще не раскрылось, только ждет своего воплощения. Постоянное рождение человека заново как субъекта творчества, для созидательной деятельности в будущем, с надеждой смотрящего на предвосхищаемые им горизонты будущего есть основа для поступательного его развития как творческой личности [5].